

Ассоциация боевых искусств отнеслась к этому делу с большим вниманием, и в тот день, когда Янь Чангэ пришел за документами, несколько старейшин Ассоциации прибыли со всей страны. Поскольку Янь Чангэ не жил в общежитии, предоставленном Ассоциацией, эти старейшины ждали его несколько дней.

Как только Янь Чангэ назвал свое имя в офисе Ассоциации, ответственный сотрудник немедленно уведомил старейшин и сообщил ему, что его документы находятся у председателя отделения Ассоциации в Линьчэне, и попросил его подождать в гостевой комнате, так как документы скоро привезут.

Янь Чангэ немного подождал, и вскоре услышал несколько легких, но поспешных шагов. Эти люди, казалось, очень торопились, но сдерживали себя, чтобы идти спокойно. Однако между медленной прогулкой и попыткой быстро идти, но сдерживать себя, есть разница, которую обычный человек не заметит, но Янь Чангэ мог различить с легкостью.

Наконец, кто-то пришел. Первым вошел мужчина средних лет, державший в руках документы Янь Чангэ. Очевидно, это был председатель отделения Ассоциации в Линьчэне — Ян Ляньчжи. За ним следовали несколько пожилых людей: одни были спокойны и учтивы, другие вспыльчивы, кто-то выглядел бодрым, а кто-то изможденным.

— Здравствуйте, вы Янь Чангэ? — Ян Ляньчжи быстрым шагом подошел к Янь Чангэ и, вежливо протянув руку, сказал. — Простите за ожидание.

Янь Чангэ, убрав ци меча, пожал ему руку, взял свои документы и с удовлетворением увидел, что в графе «Решение Ассоциации» стоит красная печать. На его обычно спокойном лице появилась легкая улыбка. Эта печать означала, что он теперь мог официально зарегистрироваться и получить удостоверение личности, занесенное в систему.

— Спасибо, — кивнул Янь Чангэ. — Я пошел.

— Э-э...

Один из вспыльчивых стариков, увидев, что Янь Чангэ даже не взглянул на них, не выдержал и окликнул его.

На самом деле, еще до того, как войти, эти старейшины договорились сразу же окружить этого мастера древних боевых искусств и расспросить его: откуда он, где его дом, из какой горы он вышел, есть ли еще члены его школы? Кроме техники меча, есть ли другие приемы? Может ли он продемонстрировать их, чтобы они могли оценить его мастерство? И, конечно, не забыть спросить, не мог бы Янь Чангэ поделиться своими знаниями с Ассоциацией, чтобы сохранить и развить богатую историческую культуру.

У них было много вопросов, некоторые были вполне обычными, а другие — наглыми и требовательными. Но, увидев Янь Чангэ, они замолчали, только подтолкнув Ян Ляньчжи, чтобы тот заговорил с ним.

Ян Ляньчжи тоже нервничал. Он планировал сначала не отдавать документы Янь Чангэ, а пригласить его присоединиться к отделению Ассоциации в Линьчэне, пока тот еще не слишком разбирался в современном мире. Но, увидев глаза Янь Чангэ, он не смог ничего сказать, только произнес несколько вежливых фраз и отдал документы.

Услышав вопрос старика, Янь Чангэ обернулся:

— Что вы хотите?

Он не был невежлив или неуважителен, просто этому старику было всего восемьдесят-девять лет, что на несколько тысяч лет меньше возраста Янь Чангэ. Янь Чангэ был прямолинейным, как меч, и не мог называть кого-то, кому всего восемьдесят-девять лет, «уважаемым старцем».

Старик, глядя прямо в лицо Янь Чангэ, слегка дрожал, с трудом сдерживая внутреннюю силу, чтобы не упасть. Он глубоко вдохнул и сказал:

— Я, помимо того, что являюсь членом совета старейшин Ассоциации, также являюсь заместителем декана исторического факультета университета Хуа. Я хотел бы спросить, те приемы, которые вы использовали в том видео, это техники меча периода Сражающихся царств?

— Да, — ответил Янь Чангэ.

— А... а в вашей школе есть еще кто-то? Где находится ваша школа? Есть ли у вас какие-то древние тексты? Если возможно, могу ли я посетить вашу школу? Это все — сокровища истории страны Хуа, и, если возможно, я хотел бы изучить их, — заместитель декана не осмелился сказать «отдайте все ваши вещи государству», а только вежливо попросил разрешения на посещение.

— Никого больше нет, — Янь Чангэ уже подготовил ответ. — Наша школа всегда передавала знания устно, никаких записей не осталось. Я вырос в горах, жил с учителем, и перед смертью он велел мне выйти в мир, общаться с людьми и больше не возвращаться в эти бедные горы. После его смерти я сжег все вещи и развеял его прах в море, а затем отправился вглубь страны. У меня плохое чувство направления, и я целый год шел вдоль дорог, избегая людей, пока не добрался до окраины Линьчэна. Увидев, что это большой город, я решил здесь остаться и начал общаться с людьми.

Его плохое чувство направления объясняло, почему он не мог вспомнить, где находится его школа, чтобы никто не смог ее найти.

— Вы шли... целый год... — заместитель декана сглотнул и задумался. — Но даже без направления, можно примерно рассчитать, сколько километров вы прошли, и определить примерное местоположение...

— Ах, это, — прервал его Янь Чангэ. — Наша школа владеет техникой легкости, позволяющей быстро перемещаться. Я могу идти четыре часа подряд, преодолевая около тысячи ли. Кстати, эта техника пришла к нам из эпохи Сун, ее передал нашему предку человек, известный как «Божественное путешествие на тысячу ли».

Все присутствующие замолчали.

Тысячу ли в день, и он шел целый год, чтобы добраться до большого города... Этот парень, похоже, заблудился по всей Азии...

— Но у меня есть одна вещь, — Янь Чангэ снял с пояса нефритовую подвеску. — Это символ нашей школы, я всегда ношу его с собой. Если вы хотите увидеть что-то из наших древних текстов, то, пожалуй, это все, что осталось.

Он не передал подвеску заместителю декана, а только показал ее, держа за шнурок.

Заместитель декана внимательно рассмотрел ее и с волнением кивнул:

— Хотя я не могу точно сказать, сколько лет этой подвеске, но техника резьбы действительно относится к периоду Сражающихся царств. А узоры на ней — это символ царской семьи Янь... Могу ли я взять ее для экспертизы...

— Нет, — быстро убрал подвеску Янь Чангэ, не давая заместителю декана продолжить. — Для меня не важно, является ли она древностью. Я ценю ее как символ нашей школы, это последний артефакт, и я буду хранить его.

Эта подвеска была создана после смерти мастера мечей, когда его ученики продали меч Чангэ царской семье Янь. Тогдашний правитель Янь лично прикрепил ее к мечу, а шнурок был сделан из шелка ледяного шелкопряда, который, по легенде, не горит в огне, не рвется в воде и не режется мечом. Эта подвеска была с ним дольше всего, даже дольше, чем ножны. Янь Чангэ знал, что подвеска — это древность, но он показал ее только для подтверждения своих слов.

Заместитель декана с жадностью смотрел, как Янь Чангэ снова повесил подвеску на пояс, и едва не протянул руку, чтобы схватить ее. Остальные тоже застыли, ведь это была реликвия периода Сражающихся царств, древность, которая стоила целое состояние!

Янь Чангэ был словно деревенский парень, вошедший в город с золотом в руках, а вокруг него все смотрели с жадностью.

Но он стоял непоколебимо, лишь окинул всех взглядом и выпустил ауру ша.

Это была не обычная аура, которая отпугивала обычных людей, а настоящая аура убийцы, стоящего на горе трупов. Каждый поток ауры был как острый клинок, пронзающий грудь. Все, кто находились в комнате, почувствовали, словно их окружила армия, и каждое движение могло привести к гибели.

<http://bllate.org/book/16787/1543860>